

Научная статья
УДК 159.9.019.43
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-1-96-103

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК КАК ФАЗА ТРАНСФОРМАЦИИ БУНТУЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

Куприянов С. В.

*Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород,
Российская Федерация
e-mail: kaf-mvd@yandex.ru*

*Поступила в редакцию 05.12.2025
После доработки 24.12.2025
Принята к публикации 12.01.2026*

Аннотация

Цель. Обратить внимание научной общественности и практических работников на такой вызов современности, как выход на сцену общественной и экономической жизни поведенческого человека и новых проблем, связанных с этим явлением. Обосновать неслучайность этого события, показать логическую связь между бунтующим человеком, человеком абсурда и поведенческим человеком.

Процедура и методы. Достоверность и полнота исследования обеспечиваются диалектическим подходом, позволяющим проанализировать внутренние противоречия, системностью, учитывающей многоуровневость и институциональность при анализе экономико-организационных отношений. Использовались также метод научной абстракции и теоретического моделирования.

Результаты. Наиболее важными заключениями исследования стали объяснение происходящих событий с позиции поведенческого человека, обоснование необходимости всестороннего изучения этого явления, необходимость совершенствования хозяйственного механизма управления с учётом включения в него поведенческой составляющей. Значение реализации результатов исследования состоит в повышении эффективности управленческой деятельности и создании условий прорывного развития экономики России.

Теоретическая и/или практическая значимость. В исследовании демонстрируется, что экономика во избежание коллапса должна быть готова к сценарию прорывного развития и соответствующим образом структурно перестроиться. Для такого процесса предлагается качественное изменение условий труда как основное направление перестройки хозяйственного комплекса и обосновывается необходимость возратить труду его естественную составляющую – творчество.

Ключевые слова: бунтарская личность, качество труда, философия абсурда, поведенческая личность, экономический комплекс

Для цитирования:

Куприянов С. В. Поведенческий человек как фаза трансформации бунтующего человека // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 96–103. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-96-103>.

Original research article

A MAN OF CONDUCT AS A TRANSFORMATION PHASE OF A MAN IN REVOLT

S. Kupriyanov

*Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation
e-mail: kaf-mvd@yandex.ru*

Received by the editorial office 05.12.2025

Revised by the author 24.12.2025

Accepted for publication 12.01.2026

Abstract

Aim. To draw the attention of the scientific community and practitioners to the contemporary challenge of the emergence of a man of conduct in social and economic life and the new problems associated with this phenomenon. To substantiate the non-random nature of this development and demonstrate the logical connection between a man in revolt, an absurd man, and a man of conduct.

Methodology. The reliability and comprehensiveness of the study are ensured by dialectical approach, which makes the analysis of internal contradictions possible, and a systematic approach, which considers the multi-level nature and institutional nature of economic and organizational relations. The methods of scientific abstraction and theoretical modeling were also used.

Results. The most important conclusions of the study were an explanation of current events from a behavioral perspective, a justification for a comprehensive study of this phenomenon, and the need to improve economic management mechanisms by incorporating a behavioral component. The significance of implementing the study's findings lies in improving the effectiveness of management activities and creating conditions for breakthrough economic development in Russia.

Research implications. The study demonstrates that to avoid collapse, the economy must be prepared for a breakthrough development scenario and restructure accordingly. To achieve this, the study proposes a qualitative change in working conditions as the primary focus of economic restructuring and substantiates the need to restore labor to its natural component that is creativity.

Keywords: a man in revolt, quality of work, philosophy of the absurd, a man of conduct, economic complex

For citation:

Kupriyanov, S. V. (2026). A Man of Conduct as a Transformation Phase of a Man in Revolt. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 96–103. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-96-103>.

Введение

В статье «Поведенческий человек» и повышение эффективности управления хозяйственной деятельностью» (С. В. Куприянов, С. Г. Борисова) [1] констатируется возникновение в общественной и хозяйственной жизни страны такого явления, как *поведенческий человек*. Есть основания связывать это событие с началом нового этапа развития общества. Диалектика развития позволяет утверждать, что появление чего-то нового предполагает уничтожение или, по крайней мере, снижение значимости старого, уже отслужившего, чему пришла смена. Как указано в Евангелие, «не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое»¹. Вместе с тем принятие решения о замене старой мо-

дели, привычной, пусть и отслужившей свой срок, но ещё приносящей доход, на новую, но с неизвестными последствиями, требует не только определённого мужества, но и всестороннего обоснования, уверенности в убеждённости правильности выбора. Новое возникает не вдруг, а на основании эволюции человеческой мысли, практики хозяйствования, истории развития человечества, прошлого, а, может, и будущего. Придавая большое значение трансформации человека, этого важнейшего фактора производства и нашего объекта исследования, в различные формы, в том числе в поведенческого человека, с целью его всестороннего изучения, необходимо убедиться, что каждая из принимаемых форм – это не плод фантазии, не галлюцинация, а реальность с её особенностями, ценностями, недостатками не только относительными, но и абсолютными. Их всесторонний учёт необходим для повышения эффективности производства, адекватного ответа на современные вызовы.

¹ Толкования на Евангелие от Матфея 9:17 [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblio/in/?Mt.9:17&r> (дата обращения: 24.10.2025).

Эволюция образа человека в контексте социально-философских идей бунта и абсурда

В пользу объективности поведенческого человека свидетельствует история его становления и развития. В 1951 г. А. Камю, лауреат нобелевской премии по литературе 1957 г., один из основателей философской «экзистенциальной школы», публикует эссе «Бунтующий человек» [2], объектом исследования которого было осмысление метафизического и исторического развития бунтарского движения в странах Европы и России. Писатель вводит понятие «бунтующий человек», «бунтарь». Применяя метод научной абстракции, можно допустить, что это и был прототип современного поведенческого человека.

Поскольку в русском языке достаточно много синонимов слова «бунт» (восстание, беспорядки, мятеж, смута, заговор и другие обозначения), то и понимание его у разных авторов не одинаково. «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!». Эта знаменитая фраза, принадлежащая великому русскому поэту А. С. Пушкину, была сказана о пугачёвском бунте. Основной особенностью его проявления, помимо стихийности, бессмысленности и жестокости, является отсутствие чего-то принципиально нового. Обиженные и угнетённые при этом меняются местами со своими гонителями, злой, неугодный правитель уступает своё место доброму. Ведь не даром Пугачёв выдавал себя за императора Петра III – супруга императрицы Екатерины II, а его «двор» – не что иное, как попытка имитации двора русских царей. Однако изменение системы общественных отношений не предусматривалось даже теоретически, она оставалась прежней, и ждать от такого бунта чуда, как перерождения общества, утопично.

Несколько иное представление о бунте и его носителе-бунтаре сложилось у А. Камю. Здесь можно выделить такие особенности, его характеризующие.

Во-первых, осознанность. Бунтарь не допускает вмешательства в свою жизнь,

считает это категорически неприемлемым для себя, поскольку имеет чёткое собственное представление о своих правах и интересах, у него осуждение сочетается с желаниями. «Бунтарь хочет стать всем, полностью отождествить себя с тем, что он внезапно осознал, как благо и что, по его мнению, должно быть признано за ним как личностью, – либо он станет ничем, окончательно раздавленным превосходящей его силой» [2, с. 20].

Во-вторых, единение индивидуального и общего. Индивидуум как бы растворяется в коллективе: «если индивидуум готов умереть и в некоторых случаях и правда умирает в результате бунта, он тем самым показывает, что жертвует собой во имя блага, превосходящего его личный интерес» [2, с. 21].

В-третьих, в своём отрицании бунтарь поднимается выше себя. Его побуждения и цели, как правило, превышают эгоистические интересы и выражают чаяния какой-то общности. Кроме того, эмпатия бунтующего, отождествление себя с угнетаемым являются основанием для протестных выступлений. Тому свидетельство – «примеры самоубийств русских террористов-каторжан, выражавших таким образом протест против истязания кнутом их товарищей» [2, с. 22].

В-четвёртых, целостность бунтаря как личности. Своим желаниям он противопоставляет себя как личность, которой он, в принципе, вполне удовлетворён, готов защищать свои человеческие достоинства, развивать их в пределах собственной целостности, претерпевая при этом определённые неудобства и трудности, не унижая себя и в то же время не требуя унижения для других. «Он стремится не завоёвывать, но утверждать» [2, с. 24].

В-пятых, конкретизация роли бунта в общественном развитии и его границы. Бунт – это путь борьбы за истину. «Я бунтую, следовательно, мы существуем» [2, с. 29]. По своей сущности бунт не созидает, но позволяет человеку осмыслить и принять на эмоциональном уровне возникшую ситуацию, при этом не давая ей пол-

ностью управлять собой. «Человек, чтобы утвердить своё бытие, должен бунтовать, но его бунт не должен выходить за границы, подразумеваемые самим бунтом, в рамках которого утверждается бытие всех людей, вместе взятых» [2, с. 29].

В-шестых, наличие для бунта определённых социальных условий: «бунтарский дух с трудом находит себе выражение в обществах, для которых характерно общественное социальное неравенство (например, в индусской кастовой системе), либо, напротив, абсолютное равенство (некоторые примитивные сообщества). В обществе бунтарский дух проявляется только в группах, существующих в условиях теоретического равенства и фактического вопиющего неравенства» [2, с. 26].

Таким образом, в первом случае имеем дело с реальным физическим лицом, не приукрашенный приёмами абстрагирования. Это восстание раба против своего господина, человека против человека. Победа любого из них ничего не сможет изменить в обществе. Во втором случае образ бунтаря несколько стилизован, обобщён и упрощён с целью придания ему узнаваемости и необходимой ассоциации. Вышеперечисленные основные признаки бунта (бунтаря) носят обобщённый характер, демонстрируют его потенциальные возможности, а вот их реализация, поскольку осуществляется в индивидуальном порядке, может проявляться во множестве вариантов. Тем не менее, любой бунт есть реакция человека на происходящие события, условия жизни.

Бунтарь у А. С. Пушкина и бунтарь А. Камю не похожи друг на друга, они разные, но есть между ними и общее. Оба они отражают процесс, движение. Их объединяет афоризм Э. Бернштейна «Движение – всё, конечная цель – ничто»¹. История Пугачёва заканчивается его четвергова-

нием. Бунтующий человек А. Камю трансформируется в человека абсурда, задача которого состоит «не в том, чтобы найти объяснения и решения, а в том, чтобы самому испытать и описать. Всё начинается с прозорливого безразличия» [2, с. 480]. Как видим, этот образ очень похож на психологический портрет поведенческого человека [1].

Решающую роль в трансформации человека, как представляется, сыграла промышленная революция XVIII в. Она положила начало многим преобразованиям. Разделение труда, его механизация привели к резкому росту производства. Выпуск продукции превзошёл спрос на неё. Ничем не ограниченное в своём развитии производство перекрыло потребление и приобрело иные, не связанные с удовлетворением потребностей (своего изначального предназначения) цели. Это был переломный период (точка бифуркации), когда был сделан выбор варианта развития экономики.

В данном случае выбор пал на вариант, предусматривающий разорение мелких хозяйств и образование крупных монополий. Средства производства, капитал в результате централизации и капитализации оказались сосредоточенными в руках относительно небольшой группы людей. Основная же масса населения, обладающая только умением и навыками, стала зависимой от собственников средств производства. Таким образом, система взаимоотношений между трудом и капиталом определилась, законодательно утвердилась и закрепились государственными органами, и уже все последующие реформы были в тренде сформировавшейся ситуации. Основные её характеристики: неограниченные на основе научно-технического прогресса потенциальные возможности производства, потеря способности творить, развитие производства в зависимости от интересов собственников, формирование условий создания общества потребления, превращение работника в атрибут технологии, бескомпромиссная борьба с природой. Одним из «самых про-

¹ Движение – всё, цель – ничто [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Азбука.ру: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/fiction/enciklopedicheskij-slovar-krylatyx-slov-i-vyrazhenij-serov/?full_text=1 (дата обращения: 24.10.2025).

стных и очевидных признаков современно-го индустриального человека: его больше не интересуют другие люди, природа и всё живое. Его внимание всё больше и больше привлекают исключительно механические, неживые артефакты» [3, с. 528].

Даже такое поверхностное представление о поведенческом человеке позволяет отметить, что это явление сложное, противоречивое, довольно парадоксальное. Такую оценку можно дать, производя её из прошлого и настоящего, но не следует забывать, что это явление из будущего, причём корнями уходящее в прошлое. Оно выросло из вчера, но несёт в себе потенцию завтрашнего дня.

Особое внимание следует, как представляется, уделить изменению качества труда. Труд перестал быть творческим. На значение этого обстоятельства обращает внимание великий русский писатель Ф. М. Достоевский. В произведении «Записки из Мёртвого дома» приводятся такие строки: «если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием ..., то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы. ... если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно», то он «удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки».¹ Как бы поддерживая писателя, вторит ему А. Камю «в нашу драматическую эпоху труд, целиком подчинённый производству, перестал быть творческим. Индустриальное общество открывает путь к цивилизации только в том случае, если вернёт работнику достоинство творца, т. е. если его интерес к труду и мысли о труде будут не менее важны, чем продукт труда» [2, с. 340–341].

Недостаток творческих начал в труде в начале XX в. отмечали практически все школы управления (школа научного управления, классическая школа управления, школа человеческих отношений и школа поведенческих наук, школа науки управления и другие). Чтобы хоть как-то сгладить, уменьшить негативное влияние превращения работника в бездушный придаток машины, предлагались и внедрялись в управление достижения социологии, психологии, научной организации труда. Однако ощутимого и устойчивого результата от таких нововведений получить не удавалось. Причина, как представляется, одна – все попытки, эксперименты проводились в целях повышения эффективности производства, а проблемы творчества исследовались опять же в интересах необходимости роста результативности и доходности этого же производства.

В итоге можно наблюдать ничем не ограниченный рост производства, непомерную нагрузку на природу, а точнее – её истребление. Параллельно с этим происходит улучшение условий труда работника, повышение его благосостояния путём участия в распределении прибыли, но при этом растёт и углубляется, по определению К. Маркса, профессиональный кретинизм. Основа тому – неосознанность и непонимание работником целесообразности, полезности его деятельности. Этому способствовал «день сурка» в контексте однообразия, повторяемости, беспросветности рутины. Жизнь превращается в повседневность, растянутую на года. Ситуация довольно парадоксальная, и выход из неё не менее неожиданный: бунтующий человек эволюционно трансформируется в человека абсурда, а тот, в свою очередь, в его современную форму – форму поведенческого человека.

Поскольку поведенческий человек приобрёл форму человека абсурда, то вполне естественно, что для выявления его сущности, оценки настоящего и будущего как в научном плане, так и в прикладном в результате необходимости привлечения его к участию в развитии хозяйственного

¹ Достоевский Ф. М. Записки из мёртвого дома [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/61/p.3/index.html> (дата обращения: 24.10.2025).

комплекса страны возникает потребность изучения основ философии этого явления. Речь идёт о философии абсурда.

В научной литературе можно найти указание на то, что сам абсурд как нечто противоречащее здравому смыслу возник одновременно со здравым смыслом. Представляется, что попытка выразить одно понятие через другое, идти от своей противоположности – решение не совсем удачное и корректное. Тем не менее абсурд выражается через понятие здравого смысла. А что такое здравый смысл? Если признать здравый смысл как что-то похожее на истину, нечто соответствующее действительности, то где уверенность, что наше восприятие адекватно происходящему? Сторонники агностицизма (Д. Беркли [4], Д. Юм [5], И. Кант [6], Г. Спенсер [7]) считают принципиально невозможным познать объективное через субъективные человеческие анализаторы (слуховые, зрительные и др.). Тогда если допускаются ошибка при оценке действительности, то абсурдные рассуждения автоматически превращаются в истину. Однако подобные рассуждения не являются темой данной статьи, и поэтому понимание абсурда сводим к противостоянию здравого рассудка.

Идея абсурда была высказана монахами ещё в III в., однако больший интерес представляют взгляды на абсурд уже упомянутого философа-экзистенциалиста А. Камю, по сути, нашего современника. В своём произведении «Миф и Сизифе» как логическом продолжении идеи, изложенной в «Бунтующем человеке», писатель задаётся основополагающим вопросом философии абсурда: «стоит ли жизнь труда быть прожитой или она того не стоит» [2, с. 386]. Ответ на него позволяет, как представляется, не только понять происходящее в современной экономике, но и заглянуть в будущее, предвидеть проблемы и варианты их решений.

Исходя из анализа состояния труда и его физического носителя (человека абсурда), А. Камю определяет главную задачу как необходимость развития творчества в самом труде, и на этой основе очеловечивание са-

мого работника. При этом он отметил два пути достижения поставленной цели:

- путь первый – путь самоубийства;
- путь второй – путь Сизифа.

Оба указанных пути нуждаются в комментариях, чтобы быть правильно понятыми. Зачастую путь самоубийства принимается как призыв к суициду, самовольному физиологическому сведению счетов с жизнью. Это далеко не так, хотя могут быть обстоятельства, влияющие на сделанный выбор. Во-первых, против добровольного ухода из жизни решительно выступает православная церковь, поскольку это большой грех и одновременно большая трагедия. Во-вторых, самоубийство можно толковать как фигуру речи иносказательно. Речь идёт о добровольном реформировании человека в направлении его очеловечивания. Борьбы с самим собой за искоренения собственных пороков – жадности, трусости, гордыни, безволия и прочих характеристик «оскотинивания». Естественно, что такое толкование самоубийства требует невероятного усилия воли, всех сил человека, поддержки его стремления внешним окружением и т. д.

Второй путь – путь Сизифа. Здесь используется образ греческого мифического персонажа. Сизиф – это образ абсурда. В жизни он был мудрейшим и осторожнейшим из смертных. Но заслушав богов Сизиф был обречён поднимать огромный камень на вершину горы, откуда это глыба скатывалась вниз. И так без конца. Всё повторяется сначала. Боги справедливо считали, что нет более ужасной кары, чем нескончаемая работа без пользы и надежды впереди. Вместе с тем А. Камю обращает внимание на момент в жизни Сизифа, когда тот бывает счастлив. «Я вижу, как этот человек спускается шагом тяжёлым, но ровным на встречу мукам, которым не будет конца. Час, когда можно вздохнуть облегчённо и который возобновляется столь же неминуемо, как и само страдание, есть час просветления ума. В каждом из мгновений после того, как Сизиф покинул вершину и постепенно спускается к обита-

лицам богов, он возвышается духом над своей судьбой» [2, с. 506].

Проводя аналогию между мифом и современностью, А. Камю пишет: «сегодня рабочий ради того же самого трудится каждодневно на протяжении всей жизни, и его судьба ничуть не менее абсурдна. Но он трагичен только в редкие минуты, когда его посещает ясное сознание» [2, с. 506]. Кроме того, проблемы деградации охватывают не только «низы», но в «верхи». «... наблюдая оскотинивание правящих классов, любой человек, озабоченный будущим цивилизации, станет инстинктивно подыскивать ему замену в виде новой элиты» [2, с. 268].

Анализ диалектики и характера изменения развития человека труда, а также экстраполяция такого развития на современность позволяют предположить возникновение его нового формата проявления – поведенческого человека.

Поведенческий человек действует как осознанно, так и импульсивно, полагаясь на интуицию. В его распоряжении уже четыре пути. Первый – классическое самоубийство. Второй – перерождение человека, уничтожение в себе всего навязанного ему негатива, развитие творчества. Третий – путь Сизифа, тупой и бессмысленный с редкими просветлениями. Четвёртый – путь «молчаливой» революции. Его сторонники ведут себя в соответствии с портретом поведенческого человека (см.: [1]). Они не бунтуют, не выходят на баррикады. Они просто так живут. Но такой образ жизни не укладывается в формат существующего общества. Однако с ним необходимо будет считаться, поскольку дефицит кадров уже сейчас даёт о себе знать, а в перспективе

изъятие из экономики миллионов работников, которых невозможно заменить мигрантами, просто приведёт к коллапсу всей жизни. Выход один – привлечь в народно-хозяйственный комплекс поведенческого человека. Для этого необходимо вернуть к труду его творческий характер. С этой целью обеспечить работнику труд в соответствии с предназначениями человека в этой жизни. В этом процессе роль государства представляется определяющей. Само по себе, стихийно это не произойдёт. Логика развития подсказывает необходимость комплексного и системного объединения усилий общества и личности для достижения поставленных целей и получения при этом синергетического эффекта.

Заключение

В итоге можно сделать следующие выводы:

– бунтующий человек, человек абсурда, поведенческий человек представляют собой взаимосвязанные и последовательные фазы трансформации работника, начиная с XX – начала XXI вв.;

– необходимо признать реальность поведенческого человека как результат влияния различных объективных и субъективных факторов и важность всестороннего, комплексного изучения его природы и особенностей;

– при разработке стратегии социально-экономического развития хозяйствующих субъектов учитывать явление поведенческого человека, пересмотреть роль и место труда в производительных силах общества, обеспечивая при этом качественный рост его творческой составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куприянов С. В., Борисова С. Г. «Поведенческий человек» и повышение эффективности управления хозяйственной деятельностью // Управленческий учёт. 2025. № 2. С. 319–325.
2. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе. М.: АСТ, 2022. 512 с.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2023. 736 с.
4. Беркли Д. Трактат о началах человеческого знания, в котором исследуются главные причины заблуждения и трудности наук, а также основания скептицизма, атеизма и безверия. М.: URSS, 2014. 184 с.
5. Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: АСТ, 2022. 800 с.

6. Кант И., Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения. М.: Э, 2018. 464 с.
7. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. М.: URSS, 2013. 232 с.

REFERENCES

1. Kupriyanov, S. V. & Borisova, S. G. (2025). "A Man of Conduct" and Improving the Efficiency of Business Management. In: *Management Accounting*, 2, 319–325 (in Russ.).
2. Camus, A. *The Rebel: An Essay on Man in Revolt. The Myth of Sisyphus*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
3. Fromm, E. (2023). *The Anatomy of Human Destructiveness*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
4. Berkeley, D. (2014). *A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
5. Hume, D. (2022). *A Treatise of Human Nature*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
6. Kant, I. (2018). *Critique of Pure Reason. Critique of Practical Reason. Critique of Judgment*. Moscow: E publ. (in Russ.).
7. Spencer, G. (2013). *Education: Intellectual, Moral, and Physical*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куприянов Сергей Васильевич (г. Белгород) – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и финансового менеджмента Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова;

ORCID: 0000-0001-9803-5866, e-mail: kaf-mvd@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Kupriyanov (Belgorod) – Dr. Sci. (Economics), Prof., Department of World Economy and Financial Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov;

ORCID: 0000-0001-9803-5866, e-mail: kaf-mvd@yandex.ru